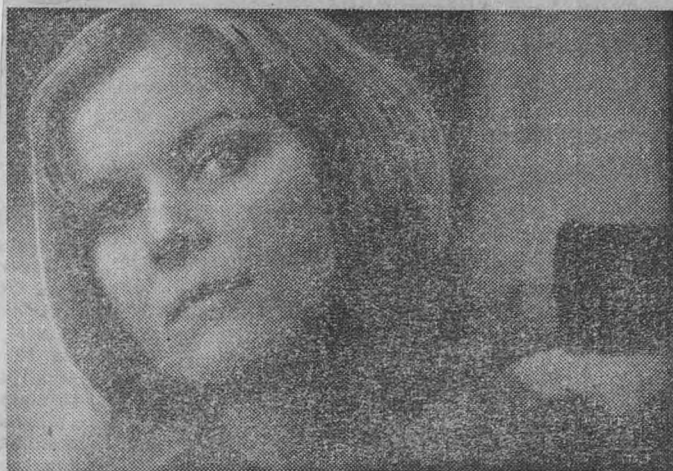

12 НОЯ 1976

В ДОЛГИЕ зимние месяцы на вещи, сердца и судьбы оседает пыль. Не хватает воздуха, живой бодрости. Так не хватает, что, кажется, не поднимешь эту тяжесть и задыхнешься.

Но вихрем налетает ветер, сметает пыль, и у тебя захватывает дух. Дайте дорогу — дождь! Падает одна капля, а другие словно сомневаются: падать или нет, но не выдерживают и наперстками мчатся к истосковавшейся земле, и все утопает в шум дождя. И ты оказываешься среди этого шума: простоволосый, без плаща, но даже мысли не возникает, что надо спрятаться под крышу; тебе хорошо, сладостно, и ты жаждешь только одного: никогда бы не кончался этот ливень, падающий на горячий лоб, тяжелые веки, поднятые над головой руки. Восторженный крик рвется из груди, губы жаждо ловят капли, но ты не можешь их поймать. Сверкают молнии, грохочет гром — ты этого не слышишь, не замечаешь...

Редко выдается такой дождь в жизни человека. Но раз встретившись с ним, его не забудешь: он будет сопровождать всюду, куда бы ты ни пошел.

Словно из-под земли, сзади льется свет, выхватывая из темноты голову женщины. Развевающиеся на ветру мокрые волосы, открытый рот, глаз не рассмотреть, потому что еще не успел привыкнуть к внезапному свету. Только чувствуешь, что в это мгновение они могут увидеть то, чего другой уже не успеет увидеть, — свет погаснет. В глубине, позади забывшейся, счастливой или несчастной женщины — нечеткие, расплывчатые силуэты мужчин или женщин — невозможно понять, потому что дождь, единственный дождь за всю жизнь, на сей раз шумит только для нее...

Странное, неожиданное, неповторимое мгновение жизни!

От поэтического, возвышенного, лихорадочно спешащего мира тянет холодком, когда, не успевая за мыслью, хочешь вернуться к началу. Открываешь глаза, не надеясь снова все это увидеть, и замораешь: все на своих местах. Мгновение, запечатленное в рисунке, окружает рамка. Отрезвляющая, словно душ, холодная, ни о чем не говорящая подпись «Персонаж 1». Герой, персонаж, действующее лицо — все

как на обычном уроке литературы, когда речь идет о творчестве. Все, как за кулисами театра или на очередной репетиции спектакля.

Вы уже поняли, что речь идет об изобразительном искусстве. Это одна из 28 работ, которую подарила людям молодая актриса Вильнюсского академического театра драмы Кристина Гудоните. Профессиональная актриса, художник-любитель, как она сама признается, просто не может

ЕДИНСТВЕННЫЙ В ЖИЗНИ ДОЖДЬ

ЗАМЕТКИ С ПЕРВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ВЫСТАВКИ АКТРИСЫ КРИСТИНЫ ГУДОНИТЕ

обойтись без карандаша и ластика. «Очень удобно это сочетание».

Мы познакомимся с «Персонажем 1». На первой публичной выставке Кристины Гудоните, открытой в театральном фойе, еще пять неизвестно откуда пришедших «персонажей», которые вопрошающе глядят на вас, странно освещенные и сами словно излучающие свет — свет разума, ожидания, сосредоточенности. Девочка с острыми плечиками, которую кто-то обидел, и она вот-вот заплачет, старушка под голубым покрывалом, в тени ее глаза, освещены только нервно дрожащие губы и широкое доброе лицо. Снова старушка под покрывалом — рядом прижавшая к ней девочка. Так благоговенно это обнять, что ничего другого не нужно — только тишина. Потому что счастливы сердца: одно — успокоенное, другое — успокоившее. А вот к ним склонился старый человек. Он может и хочет что-то посоветовать, потому что чувствует: им необходима поддержка. Взгляд ободряет: выше голову! Желтовато-коричневое разлившееся пятно это, возможно, рука надежды, которая погладит по щеке и прикосновением разведет паутину забот.

Вглядываясь в «персонажи», нельзя остаться равнодушным

к несправедливости, боли, беспокойству, давящему ожиданию, которое слишком рано посеребрило головы и охладило сердца.

«Мужчина в шляпе» — гласит надпись. Теплые тона и полутона. Лицо выскоблено до боли, точно и четко очерчено. Кажется, чувствуешь, как пульсирует жилка на виске. Человек полностью ушел в себя. Свет со стороны и снизу только подчеркивает это самоуглубление. Он смотрит на вас и смутно сквозь вас, и ему самому, кажется, неясно, видит ли он что-нибудь. Может быть, ему просто хорошо, потому что на плече — рука женщины, легкая, изящная, с длинными пальцами. Может, рука этой невидимой, возможно, нереальной женщины напоминает другие руки, и он силится их вспомнить.

Смотришь на рисунки и поражаешься освещению. Впечатление такое, словно смотришь из-за освещенной сцены в темный зрительный зал. Каждый предмет, который художница подчеркивает, светится, привлекает внимание и мысль.

— Это потому, что я рисую при электрическом свете, — то ли спрашивая, то ли утверждая, говорит моя собеседница. — Ведь картон отражает

Рисунок, сделанный актрисой, удивил всех не только смелостью. Он поразил обилием мыслей, законченностью, обобщением. Г. Кураускас грифовался по этому рисунку. (Кстати, и эту работу можно увидеть в театральном фойе). Вы помните женщину в дожде? Недавно в театре собирались поставить своеобразное, сложное и противоречивое произведение мастера нашей литературы Юозаса Грушаса «Печальная новелла о безумной Констанции». Это и стало предпосылкой к размышлению.

«Триптих цветов» — о том, что прошедшем лете. Первая работа маслом. Но это истинная живопись.

Васильки. Акцентирована синева нескольких цветков, а над ними плывет желтоватый свет, колышутся золотые колосы. Внимательный, удивленный и наблюдательный взгляд художницы.

Рядом — «Люпин», поднимающийся синеватой дымкой. Эта поднимающаяся дымка — не манера, не желание удивить поиском и находкой, она выплывает сама по себе, из сердца и влюбленных глаз, которые воистину все видят в прекрасном свете.

Или же аккорд триптиха — «Львиный зев». Фиолетовые цветы и листья, словно руки ребенка, на чьи ладони могут опереться цветы, но этого еще не нужно, потому что сейчас — пора цветения, и цветы словно только подброшены этими ладонями.

Искусствоведы, специалисты, ознакомившись с работами Кристины Гудоните, могут упрекнуть меня в восторженности, из-за которой я ни словом не обмолвился о том, чего, по их мнению, надо бы избежать. Но, что бы они ни сказали, я глубоко убежден: экспозиция — незаурядна, это встреча с правдивой и неприукрашенной красотой, встреча с праздником, по которому соскучился и ждешь его. А такой праздник бывает не каждый день, не слишком часто — поэтому он прекрасен.

Экспозиция производила бы еще большее впечатление, если бы ее организаторы подумали об освещении. Но так или иначе, театральное фойе — художественный салон, тем более не Дворец выставок.

Чем бы мы ни занимались, время всех ограничивает. Иссли ты примиришься с этими рамками, окажешься, как белка в колесе, и не вырвешься из него.

У Кристины Гудоните нет лишнего времени. С утра — репетиции, вечером — репетиции или спектакль. Но актеру недостаточно этого — нет и не может быть границ совершенствованию, к которому идешь, как к солнцу, и на этом пути все отдаешь людям.

Разве иначе заслужил бы театр всеобщую премию? Это не может не радовать Кристину. Спектакль для детей «Ветрогон» прозрачен и многокрасочен, его с нетерпением ждут взрослые и дети.

В. ВАЛЕНИС.

Зам. редактора
Р. КЛИМАС.